

Визуальная социология

Визуализация телесности в контексте профессии: аналитическая дискуссия

Александрина Ваньке*, Елена Рождественская**, Евгения Гольман***,
Роман Абрамов****

Рис. 1. Китайский солдат¹

Рис. 2. Бортпроводники китайских авиалиний¹

Рис. 3. Бортпроводники китайских авиалиний¹

Рис. 4. Бортпроводники китайских авиалиний¹

* Ваньке Александрина, кандидат социологических наук, научный сотрудник ИС РАН, доцент ГАУГН. alexandrina.vanke@gmail.com.

** Рождественская Елена, доктор социологических наук, профессор департамента социологии НИУ ВШЭ, ведущий научный сотрудник ИС РАН.

*** Гольман Евгения, кандидат социологических наук, старший преподаватель департамента социологии НИУ ВШЭ. e.golman@hse.ru, eve.golman@list.ru.

**** Абрамов Роман, кандидат социологических наук, доцент департамента социологии НИУ ВШЭ. rabramov@hse.ru.

¹ Рис. 1. Источник: Anatomia davida. URL: <http://anatomiadavida.com/wp-content/uploads/2015/11/chine.png> (дата обращения: 23.01.2017).

Рис. 5. Бортпроводники китайских авиалиний¹

Рис. 6. Бортпроводники китайских авиалиний¹

Тело во власти профессиональной дисциплины

Александрина Ваньке

Изображения китайских бортпроводников и солдата, предложенные для аналитической дискуссии, служат наглядными примерами того, как человеческие тела — женские и мужские — подвергаются сегодня в определенных профессиях телесному дисциплинированию, становясь объектами контроля. Используя инструменты семиотического (Барт, 1994, 2000) и фукодианского (Фуко, 1999) подходов, я проделаю критический анализ вынесенных на обсуждение изображений, которые содержат несколько измерений и могут быть рассмотрены с точки зрения профессиональной, национальной и гендерной перспектив.

В своей работе «Мифологии» Ролан Барт приводит в качестве иллюстрации изображение с обложки популярного журнала «Пари-матч» (рис. 7). На нем темнокожий юноша во французской военной форме отдает честь и смотрит вверх, очевидно — на французский флаг, что означает, по мнению Барта, «намеренно неразличимое смешение “французскости” и “военности”» (Барт, 2000, с. 241), а также транслирует идею «патриотичности» и «преданности французской нации».

Несмотря на то, что тело китайского солдата помещено в иной контекст и представляет собой фотографию (рис. 1) без каких-либо текстуальных обрамлений (вероятно, на ней зафиксирован момент подготовки к военному параду), тем не менее эти два изображения имеют некоторые сходства. В них дисциплинированное тело военного выступает языковым знаком и в то же время — означающим второго порядка, которое представляет собой составной элемент семиотической структуры мифа (Барт, 2000, с. 239),

Рис. 2. Источник: <http://www.dailymail.co.uk/>. URL: http://i.dailymail.co.uk/i/pix/2016/01/28/10/30A7F47E00000578-3420710-image-a-7_1453977770093.jpg (дата обращения: 23.01.2017).

Рис. 3. Источник: <http://www.dailymail.co.uk/>. URL: http://i.dailymail.co.uk/i/pix/2016/01/28/10/30A7F62700000578-3420710-image-a-3_1453977744192.jpg (дата обращения: 23.01.2017).

Рис. 4. Источник: <http://www.dailymail.co.uk/>. URL: http://i.dailymail.co.uk/i/pix/2016/01/28/10/30A7F5F200000578-3420710-image-a-9_1453977776688.jpg (дата обращения: 23.01.2017).

Рис. 5. Источник: <http://www.dailymail.co.uk/>. URL: http://i.dailymail.co.uk/i/pix/2016/01/28/10/30A7F61000000578-3420710-image-a-4_1453977764966.jpg (дата обращения: 23.01.2017).

Рис. 6. Источник: <http://www.dailymail.co.uk/>. URL: http://i.dailymail.co.uk/i/pix/2016/01/28/10/30A7F46A00000578-0-image-a-1_1453975924546.jpg (дата обращения: 23.01.2017).

вмещающей национальную идеологию. Так, тело китайского солдата, равно как и французского, есть одновременно и знак, и форма, причем форма, имеющая вполне зримые очертания; это тело заключает в себе «китайскость» и символизирует «преданность Китаю», которая выражается в данном случае не в героизме, а в способности высоко держать подбородок. При этом булавка, пронизывающая воротник, одновременно служит и средством дисциплинарного контроля над телом солдата, и способом наказания, вызывающим боль в случае нарушения телесных предписаний.

Рис. 7. Обложка журнала «Пари-матч» № 326 за июнь 1955 г.²

Серия фотографий с китайскими бортпроводниками в ходе профессиональной подготовки продолжает линию телесной дрессировки и муштры в рамках трудовых режимов, а вместе с тем показывает тонкие техники и процедуры отправления дисциплинарной власти. Как пишет Мишель Фуко в книге «Надзирать и наказывать», «Дисциплина — политическая анатомия детали», которая осуществляет «политическое завоевание тела» (Фуко, 1999, с. 203). На фотографиях со стюардессами мы видим множество деталей, которые так или иначе составляют профессиональный этос бортпроводников, но в ситуациях обыденной жизни воспринимаются нами как нечто «естественное»: приветливая улыбка, спокойный взгляд, прямая осанка, аккуратная прическа, опрятная униформа, яркий макияж. Как и в случае с китайским солдатом, стюардессы тренируют свои тела, достигая «идеальных» (установленных профессиональной нормой) поз с помощью небольших предметов: журнала, палочки, бутылки, листка бумаги, которые мы встречаем в повседневном обиходе, но в данном случае эти предметы, как и иголка в воротнике солдата, выступают средствами контроля и шестеренками дисциплинарной власти, цель которой состоит в производстве унифицированных и взаимозаменяемых работников,

² Рис. 7. Источник: URL: https://c1.staticflickr.com/1/28/103385684_1b68b06eb6_z.jpg?zz=1 (дата обращения: 20.01.2017).

одним словом, — «послушных тел» (Фуко, 1999, с. 197). В этом смысле процессы формирования телесного экзиса стюардессы и военного (в терминах Пьера Бурдьё (Бурдьё, 2001, с. 136)) сопоставимы, особенно в том, то касается приложения микровласти по отношению к их телам.

Литература

Барт Р. Мифологии / Пер. с фр. С. Н. Зенкина. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2000.

Барт Р. Риторика образа // Избранные работы: Семиотика. Поэтика / Пер. с фр. Г. К. Косикова. М.: Прогресс; Универс, 1994. С. 297–318.

Бурдьё П. Практический смысл / Пер. с фр. А. Т. Бикбова, К. Д. Вознесенской, С. Н. Зенкина, Н. А. Шматко. СПб.: Алетейя, М.: Ин-т экспериментальной социологии, 2001.

Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / Пер. с фр. В. Наумова. М.: Ad Marginem, 1999.

Елена Рождественская

Следуя когда-то избранному методу анализа визуального, предложу вначале плотное описание хотя бы одной фотографии (рис. 4) из серии предложенных.

Итак, в пространстве замкнутого светлого помещения, представляющего собой практически балетный класс, зеркальная стена возвращает нашему взгляду сидящих в одинаковой позе девушек. Они очень похожи — молодостью, телесностью, этничностью, приветливым выражением лиц, позами, наконец, униформой, видимо, стюардесс. Их расположение в пространстве также линейно сгармонизировано, создавая коллективную фигуру. Вот от этого момента, пожалуй, я начну свой интерпретативный ход. Возможно ли в ситуации этого социального действия — тренинга по достижению искомых физических навыков, социальной повадки, свойственных некоторым профессиям, тесно завязанным на межличностную коммуникацию в определенных профессиональных контекстах, — приобрести эти кондиции индивидуально с тренером? То есть это вопрос профессиональной социализации в ряде профессий. Индивидуальная дискретность преодолевается в пользу иной валоризации — приобретаемого телесного образа, который унифицируется в массе. Более того, в нашем случае стюардесс это предъявляемое лицо из разряда видимых для пассажира, иные участники действия под названием «полет» функционируют невидимо для пассажиров, но все объединены формой, отличительными знаками компании, фреймом известного сценария, этапы которого знакомы всем путешествующим. Гештальт этого дящегося события — «перелет» — зависит от того, насколько все отыграют свою роль известным образом, построенном на идее приветливого сервиса. Соответственно, круг гештальта, вбирающего детали, не сомкнется, если индивидуальность нарушит дрессуру социализирующегося работника.

Поэтому, следуя герменевтическим принципам интерпретации, возвращаемся вновь в пространство изображенного, но уже с приобретенным пониманием баланса между ценностью индивидуальности и каноном телесного образа профессиональной работницы. Итак, вновь фотография. Перед нами торжество предъявляемой кондиции, успех социализации в освоенных синхронизированных уже друг с другом позах девушек, длина ног которых очевидно тоже предмет предварительного отбора. Фокус фотографии ловит три (одно в отражении) телесных ряда синхронизированных фигур, задающих положением N-го количества ног какое-то новое существо, в своей связности приобретающее символический характер. Символизм как достижение в унификации предъявлен публике. И мы видим в правом углу темные фигуры, кажется, мужчин-фотографов.

Поэтому картинка в итоге приобретает вуайеристский характер и внутри изображения предложена мужскому взгляду. Здесь возникает новый поворот в герменевтике изображения, выходящий за рамки унификации как профессиональной социализации, а именно — предъявление сервисной сексуализированной женственности, призванной выполнять пожелания и требования клиента. Если вернуться в поле визуального для проверки этих предположений, то обратим внимание на игру ног. Насколько такая поза функциональна для обслуживания пассажиров на борту, для которого нужно перемещаться, балансируя, по салону, разносить еду и напитки, приносить и убирать вещи и т. д.? Сплетенные ноги привлекают внимание перспективой их расплетания и смены позы, то есть концентрируют внимание на себе. Мини-юбка в этом динамичном сценарии обещает обновление впечатлений от допроса героини Шарон Стоун. И в этой делезовской складке смысла фотография работает не менее эффективно, принимая во внимание ее бытование в Интернете как ответ на запрос «стюардессы».

Итак, в преодоленной дискретности индивидуальной женской телесности, выстроенных в коллективную профессиональную фигуру, предъявленную в фотосессии журналистам и нам, зрителям фотоконтента в сети, обнаруживается важный склеивающий момент — давно и с успехом эксплуатируемая женская сексуальность. К этому уже сложно что-то добавить.

Евгения Гольман

«Фотография — это зафиксированный опыт» (Сонтаг, 2013, с. 13), за ней скрывается целый мир, преобразуемый взглядом фотографа. Что предстает перед нами на рассматриваемых снимках? Позы бортпроводниц синхронны, сжимая деревянные палочки в зубах, с журналом или же с бутылкой на голове, с листами бумаги, помещенными между ног, они напоминают прекрасно слаженную Терракотовую армию. Улыбки и позы невольно отсылают нас к месту наблюдателя в постановке — фотографа, но если сделать попытку взглянуть на ситуацию с позиции участниц фотоснимков — обратиться к «упакованному» в фотографии миру (Сонтаг, 2013, с. 14), то фокус смещается на зафиксированный процесс — профессиональное обучение. Мне бы хотелось акцентировать внимание на том, какое место в этой застывшей слаженности, в педагогике тела бортпроводниц и военнослужащего (ведь сходство между ними кажется неоспоримым) занимают предметы внешней среды.

Изображенные на снимках вещи представляют собой артефакты, орудия, созданные человеком для письма, накопления и передачи информации, хранения жидких материалов и шитья. Первоначальное назначение этих орудий — расширение человеческих возможностей или границ — органопроекция в терминологии Павла Флоренского. Но в данном случае орудия используются не как продолжение человеческой руки, а как средство «ограничивания» тела: «граница тела может суживаться, почти до исключения из тела большей части его объема, а может и расширяться неопределенно далеко» (Флоренский, 1999, с. 403). Будучи элементами интерсенсорного мира, эти предметы играют роль в формировании телесной схемы бортпроводников и солдата (Мерло-Понти, 1999, с. 139), становятся инструментами вторичной социализации.

Освоение окружающих объектов — один из ключевых процессов формирования самости и первичной социализации: через противопоставление собственной целостности объектам физического мира ребенок осознает свое положение относительно них, границы тела и собственного Я (Мид, 2014, с. 169). Однако поскольку телесная схема

не формируется раз и навсегда, процесс «ограничивания» продолжается на протяжении жизни под влиянием различных факторов, включая овладение профессией. Отобранные фотографии демонстрируют профессиональную телесную педагогику в действии. В качестве педагогических инструментов предметы на фотографиях являются частью дорефлексивного обучения посредством сенсорики (Shilling, 2016, p. 9): укол от иголки на воротнике намного действеннее, чем приказ не опускать голову, ввиду своей болезненности; бутылка на голове заставляет фиксировать положение спины и шеи в поисках равновесия, чтобы предотвратить ее падение; лист бумаги между ног включает работу мышц бедра и икроножных мышц, обеспечивая «идеальное» с точки зрения ортопедии смыкание ног в трех точках. Эффективность тренировки обусловлена постепенным вхождением практик удерживания головы, равновесия или сохранения определенного положения ног относительно друг друга в телесную схему бортпроводниц.

Несмотря на то, что мы не видим лица солдата, а бортпроводницы на снимках за редким исключением улыбаются, глядя на них легко представить, как физические тренировки сопровождаются рекомендациями или командами наставников. В этом случае сенсорное обучение подкрепляется вербальным, составляя наиболее эффективный сценарий профессионально-педагогического процесса: «профессии стремятся координировать сеть сенсорных и когнитивных способностей посредством направления всего внимания иницируемых на определенные способы вовлечения в мир» (Shilling, 2016, p. 10). Тем самым синхронность различных типов обучения обеспечивает успех в освоении профессии. А через физическое «сопротивление» объектам внешней среды, будь то бутылки, иголки или бумага, происходит инкорпорирование профессиональной культуры не только в телесную схему, но и в Я-концепцию.

Литература

- Мерло-Понти М. Феноменология восприятия / Пер. с фр.; под ред. И. С. Вдовиной, С. Л. Фокина. СПб.: Ювента; Наука, 1999.
- Мид Дж. Г. Физическая вещь // Философия настоящего / Пер. с англ. В. Г. Николаева, В. Я. Кузминова (доп. Очерк IV). М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. С. 162–181.
- Сонтаг С. О фотографии. М.: Ад Маргинем Пресс, 2013.
- Флоренский П. Органопроекция: соч. в 4 т. М.: Мысль, 1999. Т. 3. Ч. 1. С. 402–421.
- Shilling C. Body Pedagogics: Embodiment, Cognition and Cultural Transmission // Sociology. Online First. 2016. P. 1–17. URL: <http://journals.sagepub.com/doi/pdf/10.1177/0038038516641868> (дата обращения: 25.01.2017).

Тело на службе капитализма

Роман Абрамов

Может ли капитализм быть тоталитарным, активно использовать новые технологии, уживаться с коммунистической символикой и тысячелетними принципами организации общества? Современный Китай, кажется, является тому живым свидетельством, предьявляя миру себя в качестве не только главной промышленной площадки, но поля социальных и экономических экспериментов, которым до этого была Советская Россия. Современное искусство, футуристический Шанхай и университетские кампусы будущего вполне успешно соседствуют с традиционалистской пастушеской властью, усиленной

новыми инструментами надзора, нищетой и чудовищным неравенством, экологическими проблемами и потогонной системой производства. Оказалось, что постсовременный глобальный капитализм успешно интегрирует даже систему тюрем и исправительных лагерей, Лаогай (勞改/劳改) — прямую наследницу версии ГУЛАГА с китайским колоритом изошренных пыток и унижением человеческого достоинства. В вашингтонском частном музее, посвященном этой репрессивной системе, заметная часть экспозиции отведена под демонстрацию применения труда заключенных Лаогай в интересах транснациональных корпораций, лейблы которых красуются на товарах повседневного спроса и промышленных изделиях, выпущенных заключенными китайских лагерей. Это производит пугающее впечатление и заставляет задуматься о том, что для капитализма свобода и права человека отнюдь не всегда являются обязательными с точки зрения гонки за прибылью и вполне могут сочетаться с техногенными формами тоталитаризма, как об этом писал С. Жижек: «Что если «порочная комбинация азиатского кнута и европейской биржи» в экономическом отношении окажется более эффективной, чем наш либеральный капитализм? Что если Китай показывает, что демократия, какой мы ее понимаем, больше не является условием и движущей силой экономического развития, превратившись в препятствие для него?» (Жижек, 2001, с. 114–115).

Иными словами, союз современного капитализма с демократическими принципами носил тактический, временный характер и может быть разорван в любой момент, и начало этому положено в разных контекстах — от нового духа гибкого капитализма (Болтански, Кьяпелло, 2011), в котором открытые хипстерские инновационные кластеры со свободой внешнего самовыражения и граффити на стенах офисов при жестком неформальном социальном контроле, затрагивающем личную жизнь, до старомодных корпоративных и полувоенных структур с явно закрепленным дресс-кодом и предписывающим кодексом поведения. Все это вместе направлено на дальнейшее укрепление железного каркаса капитализма.

Меня заинтересовала серия фотографий, изображающих процесс обучения китайских бортпроводниц профессиональным умениям держать себя. Для различных профессий тело может становиться инструментом и частью исполнения своей профессиональной роли: военные, спортсмены, артисты приходят на ум в этой связи в первую очередь. Но есть и профессии, где телесность не играет столь очевидной роли, однако латентно служит важным индикатором принадлежности к ней: например, успешные менеджеры крупных международных компаний должны иметь подтянутый вид человека, занимающегося активными видами спорта, свидетельствующий о самодисциплине профессионала.

В случае обучения китайских бортпроводниц можно увидеть процесс приведения тела к корпоративным стандартам и обретение особого вида «телесного знания», подобного тому, как М. Фуко описывает обучение солдат армии классической эпохи: «Вторая половина XVIII века: солдат стал чем-то, что можно изготовить. Из бесформенной массы, непригодной плоти можно сделать требуемую машину. Постепенно выправляется осанка. Рассчитанное принуждение медленно проникает в каждую часть тела, овладевает им, делает его послушным, всегда готовым и молчаливо продолжается в автоматизме привычки. Короче говоря, надлежит «изгнать крестьянина», придать ему «облик солдата». Рекрутов приучают «нести голову высоко, держаться прямо, не сгибая спины, втягивать живот, выставлять грудь и расправлять плечи. А чтобы это вошло в привычку, их заставляют принять требуемое положение, прижавшись спиной к стене, чтобы пятки, икры, плечи и талия касались ее, также и тыльные части рук, причем руки должны быть развернуты наружу и прижаты к телу... Их учат также никогда не уставляться в землю, смотреть прямо в лицо тем, мимо кого они проходят... стоять неподвижно в ожидании команды, не шевеля ни головой, ни руками, ни ногами... наконец, ходить чеканным шагом, напрягая колено и икру, вытягивая носок и отводя его в сторону» (Фуко, 1999).

В этом фрагменте любопытно не только описание тренировки послушного тела будущих солдат, но и социальные превращения с их сознанием, изгнанием из них крестьянского хабитуса через «цивилизирование» их телесности. В случае с китайскими бортпроводницами можно увидеть схожие процессы: из простых китайских девушек, выдержавших чудовищный конкурс на эту должность, выбиваются прошлые привычки и способы держать себя и прививаются те, что соответствуют представлению руководства авиакомпаний о должном образе стюардессы. В связи с этим представляют интерес антропологические очерки социолога и стюардессы международных авиалиний А. Турчик, в которых она характеризует китайских бортпроводниц как сосредоточенных, имеющих уважительное отношение к старшим и коллегам, ориентированным на сложившуюся должностную иерархию и отличающихся трудолюбием (Турчик, 2014). Конечно, здесь мы можем заметить упоминание о традиционных чертах характера китайцев, но также, очевидно, это может быть и результатом социального превращения, которое совершено в процессе тренировки тела.

В некоторых случаях практики телесного закрепощения и тонкого надзора явлены видимым образом и дополняются коннотациями символического гендерного неравенства. К профессиональным занятиям, где это заметно особенно ярко, относится деятельность бортпроводниц гражданских авиалиний. В гражданском авиасообщении они надолго стали ходячей рекламой и сексуальным фетишем авиации, где главными всегда оставались мужчины-пилоты. Эджизм, сексизм и апперансизм до недавнего времени преобладали в практиках найма бортпроводников в европейские и американские авиакомпании, и эта ситуация стала меняться вместе с трансформацией самих обществ: теперь на этих авиалиниях мы можем увидеть мужчин и женщин разных возрастов, комплекции и с различными внешними данными. Другая ситуация на авиалиниях многих азиатских стран, включая Китай, где тренированное тело, отточенные манеры и подчеркнутая сексуальность все еще значат многое для труда профессиональных бортпроводниц. Задача муштры тела и духа, как на фото тренировок китайских бортпроводниц, — воспитать послушное тело, которое готово стать продолжением и неотъемлемой частью самолета и всей корпоративной машины авиакомпании и служить эротическим фетишем для клиентов, то, что исследовательница униформы Дж. Крейк назвала образом «молодых игривых красоток», «куколок», «девушек из племени Пуччи» (Крейк, 2007, с. 108). Но это также является следствием церемониальной насыщенности китайской культуры, имеющей очень четкие границы между *front stage* и *back stage*, и бортпроводницы, конечно, относятся к атрибутике *front stage*.

Если возвращаться к интерпретации фоторяда с обучением китайских бортпроводниц, то снова можно говорить о более широком подходе к их интерпретации, нежели о простой отсылке к фукианской модели воспитания послушных тел в интересах системы. В этих тренировках можно увидеть возвращение к жестким викторианским правилам поведения для девочек, воспитывавшихся в закрытых школах, где их нередко низкий социальный статус или сомнительное происхождение компенсировались отточенностью манер, как это описывается в романах Ш. Бронте. С другой стороны, очевидны отсылки к традиционной восточной культуре с ее церемонностью и стремлением к унификации, отчасти продиктованным необходимостью императора управлять огромными массами подданных. Это очень хорошо иллюстрируется Терракотовой армией Цинь Шихуанди, где, впрочем, в отличие от стандартизированной внешности бортпроводниц, чьи уникальные черты скрывает корпоративный макияж, каждому воину придана некоторая индивидуальность в выражении лица.

В контексте социологии профессий мы можем говорить о рефлексологии профессиональных групп в понимании П. Сорокина, который писал о том, что по манере держаться и осанке он легко распознает представителя того или иного городского занятия,

и натренированная подобным образом бортпроводница будет оставаться ей, даже сняв униформу (Сорокин, 1921). Так Шерлок Холмс умел разглядеть флотского унтер-офицера в простом посыльном.

Не стоит забывать и о мутациях постсовременного капитализма, который на разных уровнях своей иерархии демонстрирует различные способы интеграции сознания и тела индивидов под свои задачи — в данном случае через буквальную тренировку тела и духа. И в этом отношении изматывающие занятия в фитнес-клубе, которыми себя терзает представитель свободной профессии для того чтобы выглядеть «современно», или занятия йогой как способ тренировки тела и духа эмансипированной работницы креативной индустрии, возможно, не так уж далеки от архаичной муштры китайских бортпроводниц.

Литература

Болтански Л., Кьяпелло Э. Новый дух капитализма. М.: НЛО, 2011.

Жижек С. Размышления в красном цвете: коммунистический взгляд на кризис и сопутствующие предметы. М.: Европа, 2011.

Крейк Дж. Краткая история униформы (Форма напоказ: от традиционализма к вызову). М.: НЛО, 2007.

Сорокин П. Влияние профессии на поведение людей и рефлексология профессиональных групп // Вопросы изучения и воспитания личности: труды Института по изучению мозга и психической деятельности / Под ред. В. М. Бехтерева. Петроград: Госиздат, 1921. С. 397–412.

Турчик А. Опыт межкультурного взаимодействия в гражданской авиации // Отечественные записки. 2014. № 4 (61). С. 27–44.

Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / Пер. с фр. В. Наумова. М.: Ad Marginem, 1999.